

— Спасибо, — видя, что Гу Ежань не реагирует, Линь Ян поспешно добавил:

— за воду.

— Не за что, — отстранённый голос раздался справа.

Линь Ян внутренне посмеивался: «Что за холодный и неприступный первый красавец кампуса! Ясно же, что ты в меня влюблён, а продолжаешь строить из себя недотрогу!»

В конце концов, Линь Ян, сославшись на срочную нужду, сбежал в общежитие с такой скоростью, будто участвовал в стометровке.

— Лето, лето, тихо уходит, оставляя маленький секрет, прячу его в глубине души, не могу рассказать тебе, вечерний ветерок дует...

Линь Ян напевал песню, спускаясь по лестнице, и на третьем этаже столкнулся с Гу Ежанем, который нёс за спиной гитару. Похоже, он тоже направлялся в центр досуга на репетицию.

— О, какое совпадение, идёшь в центр?

— Ага.

— Пойдём вместе, я тоже туда.

Только они вышли из общежития, как сзади раздался голос Сяоцзяня:

— Линь Ян, подожди меня!

Линь Ян и Гу Ежань одновременно остановились, обернувшись. Сяоцзянь быстро подбежал, немного запыхавшись.

— Только что увидел вас и подумал, — Сяоцзянь украдкой взглянул на Гу Ежана и осторожно сказал:

— подумал, что пойду с вами.

— Это наш глава, он играет Лян Шаньбо, и сам написал сценарий. Двухминутный короткий спектакль, и Лян Шаньбо с Чжу Интай держатся за руки целых десять минут, — Линь Ян, не вынося постоянного давления со стороны Сяоцзяня, решил подшутить:

— Дун Сяоцзянь, я вчера не мог уснуть, думал всю ночь, и понял, что персонаж Лян Шаньбо можно сделать более многогранным.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, в конце вы ведь превращаетесь в бабочек, и мне кажется, что финал слишком печальный. Давай сделаем так: раз мы бабочки, то пусть мы летим, чем дальше, тем лучше, через Атлантический океан, там тоже есть пара влюблённых, Ромео и Джульетта. Уговори их тоже стать бабочками, и вы четверо летите в Китай, на гору Лян, поднимаете восстание и становитесь правителями. А дальше будет история «Речные заводи», и наша группа сможет снять продолжение.

Сяоцзянь наконец понял, что Линь Ян просто издевается над ним, но, не в силах спорить с наглецом, только молча злился.

Гу Ежань молча шёл рядом, слыша, как Линь Ян болтает, и на его губах мелькнула едва заметная улыбка.

Центр досуга.

Девушка, игравшая Чжу Интай, сегодня праздновала день рождения своего парня и ни за что не хотела приходить. Сяоцзянь вздыхал, чувствуя, что люди в его группе — это сплошные неудачники.

Линь Ян, умеющий ловить момент, подошёл с советом:

— Дун Сяоцзянь, позвони ей, если она не придёт, пусть староста лично за ней придёт.

Сяоцзянь с отвращением оттолкнул Линь Яна:

— Пошёл прочь, не мешай.

Линь Ян возмутился:

— С какой стати? Ты же так же меня угрожал.

Сяоцзянь посмотрел на него:

— Ты же мужик, как можешь сравнивать себя с девушкой? Не стыдно?

Линь Ян не нашёлся, что ответить, и обиженно уселся в своём углу на «троне».

Без второстепенного персонажа можно было обойтись, но без главной героини Чжу Интай спектакль не мог продолжаться. Все решили, что Линь Ян временно сыграет Чжу Интай, пусть даже текст он не знает, но хотя бы «героиня» будет на месте, и все смогут войти в роль.

Линь Ян, конечно, яростно сопротивлялся, говоря, что ни за что не будет играть, но Сяоцзянь заявил, что если он откажется, то это будет пренебрежением коллективным интересом, и они пожалуются старосте, чтобы тот потом ему насолил.

Линь Ян в итоге сдался.

Первая сцена — это момент, когда Шаньбо и Интай становятся братьями. Сяоцзянь, игравший Шаньбо, и Линь Ян, изображая, что держат три благовония, трижды поклонились.

Сяоцзянь нежно произнёс:

— Интай.

Линь Ян почувствовал, как по коже побежали мурашки, и сдавленно сказал:

— Шаньбо, давай, держись за руку.

Сяоцзянь явно сопротивлялся:

— Сегодня не будем держаться за руки.

Линь Ян и Сяоцзянь, обняв друг друга, сделали круг, изображая, что они осматривают пейзажи. Игра Линь Яна была крайне преувеличенной — глаза бегали, рот растянулся в улыбке:

— Красота, красота, Шаньбо, посмотри туда, как же красиво...

Гу Ежань, подключив оборудование, случайно увидел эти странные движения Линь Яна. Чжао Фэн тоже заметил и пошутил:

— Что это Дэвид вытворяет? Спектакль превратился в народный танец.

— Хватит смотреть, давайте начинать, — Чжоу Ичэнь настраивал бас-гитару.

Чжао Фэн, прикусив нижнюю губу, энергично ударил по барабанам, и под громкие звуки они быстро погрузились в музыку. Гу Ежань был вокалистом и гитаристом группы.

*

Если кто-то спросит, я расскажу,

Но никто не придёт.

Я жду, пока не станет неважно,

Есть что сказать, но некому слушать.

Моё настроение похоже на крышку, ожидающую, когда её откроют,

А рот покрывается мхом.

Чем тише я в толпе,

Тем больше меня игнорируют.

*

Линь Ян, увлечённо игравший, заметил, что все затихли и замерли, и тоже постепенно успокоился, внимательно слушая исполнение группы.

Мужчины как вино — чем старше, тем насыщеннее аромат, а красивые мужчины — это как выдержанное вино, особенно если они ещё и сдержанные, то это просто шедевр, сравнимый с французским Романэ-Конти.

Молодой парень, едва достигший совершеннолетия, ещё не прошедший через испытания времени, но уже обладающий некой магией, стирающей границу между мужчиной и мальчиком.

Линь Ян вдруг подумал о слове «юношественность».

Когда он познакомился с Гу Ежанем, тот был на пике своей карьеры, излучая естественную зрелость, но сейчас в нём чувствовалась некая соблазнительная неопытность.

— Как красиво... — одна из девушек в группе восхищённо прошептала.

— Правда? Красиво, да? — Линь Ян вдруг возгордился, ведь это его будущий муж:

— Апельсины ещё есть?

— Осталось несколько.

Это были фрукты, купленные на деньги группы, очень дешево — за тридцать юаней целый пакет, что говорило о скупости Сяоцзяня.

Линь Ян взял пакет и подошёл к Гу Ежаню и его группе, якобы чтобы поблагодарить их за выступление, хотя подарок был скромным.

— О, Дэвид, ты принёс нам угощение?

Линь Ян обошёл Чжао Фэна и сел на стул рядом с Гу Ежанем:

— Возьми апельсин.

С этими словами он достал апельсин из пакета.

— Спасибо, не надо, — Гу Ежань открыл бутылку воды и сделал несколько глотков.

Движение его горла, поднимающегося и опускающегося на белой шее, было весьма привлекательным.

Линь Ян смущённо отвел взгляд, проклиная себя: «Красота — это проклятие! Такой прекрасный человек, а ведёт себя так высокомерно! Если бы ты не притворялся, возможно, я бы смягчился и забыл о прошлых обидах, и согласился бы на твои чувства».

Вдалеке Сяоцзянь и остальные смотрели с завистью, а Линь Ян подмигнул им и намеренно подвинулся ближе к Гу Ежаню. Гу Ежань инстинктивно отодвинулся, избегая близости, но Линь Ян последовал за ним.

— Не двигайся, — вдруг строго сказал Гу Ежань.

Линь Ян вытянул шею и увидел, что Гу Ежань уже сидит на краю стула, и дальше отодвинуться некуда.

Линь Ян взял апельсин:

— Возьми апельсин.

— Я не хочу.

Линь Ян начал чистить апельсин, и аромат мгновенно распространился в воздухе. Он оторвал дольку и протянул Гу Ежаню:

— На.

Гу Ежань на мгновение задумался, но всё же взял дольку и положил в рот. Она была сладкой и сочной, напоминая апельсиновую газировку, которую он пил в детстве.

Краем глаза он посмотрел на сидящего рядом мужчину, и на мгновение вспомнил шумные летние дни, холодную газировку, футбол на стадионе и толпу детей.

Если бы нужно было описать Линь Яна одним словом, то это было бы «лето». Этот шумный парень, будь то его выражения лица, движения или слова, излучал летнюю энергию и дерзость.

— Ты так красиво поёшь, и гитару играешь здорово, — Линь Ян посмотрел на длинные и изящные руки Гу Ежани и добавил:

— Руки тоже красивые, просто созданы для игры на гитаре...

Чжао Фэн не выдержал и засмеялся, сказав с подтекстом:

— Дэвид, ты что, влюбился в нашего вокалиста? Давай, угости меня апельсином, может, я растрогаюсь и подарю его тебе. Тогда он будет играть на гитаре, когда ты захочешь, на пианино тоже сможет, и даже на барабанах.

<http://bllate.org/book/15269/1347714>